

В тот самый миг, когда Мужун Цзяоцзяо переступила городские ворота, на свет появилась дочь городского лорда — она тоже оказалась счастливицей, пережившей перерождение.

И в то же время — новой любимицей этого мира.

Вся удача этого мира станет являться только ей — вплоть до рождения следующего Любимца Небесного Пути.

Моему маленькому пассиву-скелету 01

С момента возвращения Е Шаня в реальный мир прошло уже полмесяца.

Он всё никак не мог привыкнуть.

Он был одинок двадцать девять лет, всем сердцем уповая на то, что кто-нибудь подарит ему искреннюю заботу.

Позднее он действительно дождался этого человека. Пусть тот человек и казался чуточку извращенным и ненормальным... Зато он так отчаянно цеплялся за него, так хорошо к нему относился и каждый день поил своей кровью... Ладно, пожалуй, в этом вопросе у Доктора Линь имелся некоторый скрытый умысел, но в целом этот Доктор Линь был к нему настолько, невыразимо хорош, что позволил ему в том незнакомом постапокалипсисе беззаботно и счастливо прожить целых двадцать лет. Е Шань познал, что такое настоящая любовь и каким прекрасным может быть подлинное единение. В итоге те двадцать лет опыта не отпускали Е Шаня целых полмесяца, и он никак не мог прийти в себя.

Иногда он вдруг ловил себя на том, что оборачивается с улыбкой и зовет Вэньсяо или Доктора, а порой срывается на еще более нежные прозвища. Иногда он неожиданно заявлял, что хочет чего-нибудь вкусного, причем приготовленного не роботом, а вполне конкретным человеком. А порой, лежа на огромной постели, он поворачивался набок, собираясь заключить этого человека в объятия, но, вскинув голову, натывался лишь на пустоту и холод.

Так Е Шань провел полмесяца. Как бы Система ни подгоняла его отправиться в следующий мир, он с гордым и холодным видом полностью ее игнорировал.

Ему ведь еще нужно было есть в реальном мире.

Мм, зарабатывать деньги.

Поэтому, растерянно пробездельничав полмесяца, Е Шань наконец постепенно пришел в себя. Теперь он вставал в четыре часа утра, пока в спортивной и рекреационной зонах жилого комплекса еще никого не было, два часа занимался боевыми искусствами, а когда вокруг появлялось много людей, бегал еще полчаса, покупал завтрак и возвращался в квартиру. Его квартира была куплена после возвращения на родину. Хотя в то время, когда он уезжал за границу, у него после судебных разбирательств было немало денег, за рубежом он провел несколько лет, освоил множество вещей и никогда особо себя не ущемлял. Поэтому к моменту возвращения на родину средств у него осталось не так уж много, и он смог купить лишь небольшую квартиру площадью семьдесят квадратных метров в мегаполисе. Впрочем, приобрести такое жилье в крупном городе — на самом деле уже весьма неплохо.

По крайней мере, Е Шань искренне так и думал.

Но теперь...

Позавтракав, Е Шань молча устроился за письменным столом и с помощью графического планшета принялся набрасывать начало манги, которую сочинял еще в период постапокалипсиса.

Е Шань часто брался за заказы на обложки и иллюстрации, но по-настоящему изданная длинная манга у него была всего одна, и называлась она Персиковый цвет.

Главными героями истории были маленькая девочка пяти-шести лет на вид, которая жила уже очень-очень много лет, уродливая желтая дворняжка и вампир, проживший еще дольше и не выносивший дневного света.

Все три главных героя были прокляты. Прекрасная и милая девочка несла на себе проклятие: она никогда не вырастет и у нее никогда не будет любящих родных или друзей. Желтый пес некогда был небожителем, который поспорил с друзьями-бессмертными и спустился в мир смертных, но случайно переродился прямо-таки в дворовую собаку, к тому же его бессмертные кости и душа оказались запечатаны. Ни его друзья-небожители, ни сам Небесный Путь не могли его узнать, так что он лишился возможности вознестись и был вынужден скитаться в обличье бездомного пса, питающегося костями и объедками. А трусливый вампир, прятаясь от солнечного света, хранил неизменную верность и изо всех сил стремился воскресить свою возлюбленную, от которой осталась лишь горстка пепла...

Все трое главных героев вместе подобрали зеркало. На самом деле это зеркало оказалось магическим артефактом: оно позволяло тем, кто желал отыскать свою судьбу из прошлых или будущих жизней, войти внутрь на поиски истинного персикового цвета, а затем решить — остаться ли там самим или притащить этого человека в нынешний мир, чтобы завершить романтическую связь из прошлых или грядущих воплощений. Зеркало также гласило, что с каждой устроенной ими свадьбой они все на один шаг приближаются к исполнению собственных мечт...

Опираясь лишь на эту канву и концепты персонажей, Е Шань нарисовал бесчисленное множество историй и снискал себе известность, однако сам сюжет так до конца и не был завершен...

Он уже давно решил: как только он отыщет свой собственный персиковый цвет, то закончит все заготовленные главы этой истории, позволив трем главным героям получить то, чего они желают.

Но сейчас его персиковый цвет еще не появился по-настоящему, поэтому мангу Персиковый цвет пока нельзя доводить до конца.

Впрочем, хотя Персиковый цвет пока не завершен, комикс о Докторе Лин, который Е Шань рисовал в постапокалипсисе, вполне можно воплотить на бумаге. Это была история в жанре постапокалипсис, где главным героем выступал Доктор Лин. Только в том рассказе Доктор Лин оставался всё таким же избалованным, капризным и слегка с придурью, но вся его семья была в сборе. Доктор Лин предстал там невероятно умным семилетним гением, который подобрал крошечного Императора зомби, заточённого в бутылку, после чего они вместе переживали самые разные сладкие и милые приключения.

Е Шань потратил целый месяц на то, чтобы закончить эту мангу, и озаглавил её Первая любовь.

Хотя Доктор Лин и маленький Император зомби в этой истории так и не повзрослели, и о романтике речи вообще не шло, Е Шань думал: разве Доктор Лин не был его первой любовью? Пусть остальные этого не знали, но он-то сам помнил, и с него было достаточно.

За этот месяц Е Шань не только завершил Первую любовь, но и на два месяца вперёд нарисовал заготовки для Персикового цвета, взял заказ на три иллюстрации персонажей, поработал синхронным переводчиком на четырёх мероприятиях, повидался со своими немногими друзьями, а вдобавок создал множество портретов Лин Вэньсяо — вот так месяц и подошёл к концу.

Он тупо уставился на холодильник, присев перед ним на корточки, и разглядывал своего спасителя, заточённого внутри. Пробыв в таком положении добрую половину дня и почувствовав, что ноги совсем затекли, он наконец поднялся.

Система воспользовалась моментом и снова напомнила:

— Система полностью готова, Хозяин может в любой момент переместиться в следующий мир, чтобы спасти душу своего спасителя.

Система уже изрядно извелась из-за медлительности этого Хозяина, потеряв всякую надежду. Она только подумала, что Хозяин наверняка опять станет тянуть время и проигнорирует её, как вдруг увидела, что тот поднялся и произнёс:

— Хорошо.

Система опешила.

А Е Шань улыбнулся:

— Только сначала я должен выспаться как положено. А отправлюсь завтра утром, после того как поем и как следует подготовлюсь к перемещению в новый мир. В конце концов, разве не ты мне сказал, что этот персиковый цвет у меня единственный? Если я не пойду, разве не суждено мне прожить всю жизнь в одиночестве?

Система мысленно взывала: ...Почему она тогда ляпнула это не подумав? Зачем наговорила столько лишнего?

Оставим в стороне мысли Системы о том, что она, кажется, поглупела. Очень скоро настало следующее утро. Е Шань позволил себе роскошь поваляться в постели подольше, поднялся ближе к восьми-девяти часам, заказал еду на дом, принял душ, умылся и даже воспользовался косметическими средствами. Когда доставили богатый заказ, Е Шань плотно пообедал, привёл в порядок обеденный стол и лишь после этого позвал Систему, переневшись в её пространство в готовности отправиться в следующий мир.

Всё разительно отличалось от прошлого раза.

В прошлый раз, когда Е Шань только оказался в новом мире, он абсолютно ничего не знал и просто тыкался наугад, словно слепой котёнок.

Но сейчас, в процессе подготовки к перемещению, в его голову потоком хлынула информация об основном сюжете этого мира.

Любимец Небесного Пути в данном мире оказался попаданцем. Верно, хотя с точки зрения

попаданца этот мир некогда был всего лишь книгой, теперь он превратился в самую настоящую реальность.

Окружающая действительность напоминала мир западного фэнтези, где магия сочеталась с боевой энергией, однако выглядела несколько нелепо и эклектично: порядки и имена местных жителей наполовину состояли из западных и восточных.

Попаданца звали Цинь Аотянь, и после перемещения его имя осталось прежним. У него были родители — Маги высокого уровня, которые безумно его любили и всегда готовы были защитить от любых невзгод, старший брат, искусно владевший алхимией, старшая сестра с мягким, нежным характером, но невероятным талантом к боевой энергии, а также приёмная сестра семьи Цинь — писаная красавица, страдавшая сильным комплексом старшего брата, хотя на самом деле она приходилась Цинь Аотяню лишь падчерицей. Клан Цинь, в который попал Цинь Аотянь, являлся одним из средних аристократических кланов Континента Ляньюнь, обладал весьма солидным положением и владел немалыми богатствами.

Вот только отец Цинь Аотяня в самый последний момент борьбы за пост главы клана Цинь осознал, что честными методами и по всем правилам ему никогда не одолеть старшего брата. Поэтому он тайком связался с кланом Тёмных эльфов, замышляя устранить брата чужими руками, чтобы самому занять место главы.

Разумеется, в оригинальном сюжете отцу Цинь Аотяня не суждено было преуспеть, и всё его семейство изгнали из клана. Однако по дороге в изгнание они столкнулись с давними врагами родителей Цинь Аотяня, которые к тому моменту уже стали Магистрами магии и перебили всю семью. К счастью, приёмная сестра Цинь Аотяня не была чистокровным человеком и обладала редким природным даром особых способностей. Поняв, что иного выхода нет, она по уговору родителей и старших брата с сестрой ценой невероятных усилий вытащила Цинь Аотяня из бойни. Они вдвоём сменили имена и пустились в бег, после чего сводная сестра продолжала беззаветно любить его, а Цинь Аотянь шёл вперёд, сражаясь с монстрами, завоёвывая сердца красавиц и повышая свой уровень, пока в конце концов не отомстил за всё, взял в жёны целый гарем красавиц и достиг вершины этого мира. Но ведь это было оригинальное произведение. После того как Цинь Аотянь попал в этот мир, он прекрасно понимал, что на самом деле ошибся именно его отец, который не должен был нарушать семейные правила и покушаться на жизнь кровных родственников ради борьбы за пост главы клана. Однако, с точки зрения главного героя, ну и что с того, что его отец был неправ? Учитывая ту любовь и заботу, которою отец, мать и остальные дарили ему, учитывая, что до того, как он подросток, родители, братья и сестры были его единственной опорой, и учитывая, что он никак не мог позволить родителям, братьям и сестрам погибнуть в полном составе сразу после своего перемещения, ему пришлось вмешаться лично. Он предупредил отца, что среди тех, кому тот доверяет, есть люди его старшего дяди, а сам план может сорваться.

Лицо отца главного героя сильно изменилось, и он тут же передумал. Пока всё ещё не произошло и его замысел убить старшего брата не раскрылся, он немедленно связался с чужаками и полностью перевернул эту интригу. Теперь выходило, что это старший брат замышляет убить всю их семью ради поста главы клана, и в итоге в изгнание отправилась семья ни в чём не повинного старшего дяди главного героя.

Отец Цинь Аотяня изначально думал, что этого будет достаточно. Он и его старший брат были рождены от одних отца и матери, строго говоря, между ними не было какой-то лютой ненависти, просто у него была сильнее жажда власти, и он хотел заполучить более влиятельный пост главы клана. К тому же для изгнания своего старшего брата он выбрал вполне неплохое место на землях клана Цинь, попутно пообещав брату, что если в следующем

поколении у того появятся способные потомки, они смогут вернуться.

Однако в прочитанном Цинь Аотянем оригинальном романе семья его старшего дяди состояла из истинных гениев магии и боевой энергии, а их семьи-супруги по результатам многочисленных брачных союзов обладали крайне высоким положением. Цинь Аотянь из оригинала перебил почти всю семью дяди почти что под самый конец романа, да вдобавок оставил в живых лишь маленького двоюродного братишку, которому полностью уничтожили всю боевую энергию и сбросили со скалы.

Переместившийся Цинь Аотянь рассудил, что каждый сам за себя, а иначе небеса покарают. Чтобы семья дяди не вернулась с мстью, ему было куда проще разобраться с ними самому. И хотя сейчас ему было всего десять лет, благодаря всеобщей баловне в семье и огромному количеству золотых монет на руках, он потратил целое состояние. Через людей преступного мира, про которых он знал в этом мире, он подбросил галлюциногенное зелье закланному врагу своих родителей — тому самому Магистру магии — и заманил его на дорогу, по которой неизменно должна была пролегать упряжка семьи его дяди. Магистр магии решил, что перед ним семейка его кровных врагов, и устроил чудовищную резню. А люди, нанятые самим Цинь Аотянем, могли выступить в роли хищников, что поджидают позади, и убить этого Магистра магии, чтобы избавиться от любых возможных проблем в будущем.

В конечном счете план Цинь Аотяня в основном удался: Магистр магии и впрямь после выпитого галлюциногенного зелья обезумел и начал убивать.

Практически вся семья старшего дяди Цинь Аотяня погибла.

За исключением старшего дяди, который выбежал прочь, прижимая к груди единственного выжившего трехлетнего малыша, все остальные пали от рук того Магистра магии.

Старший дядя Цинь Аотяня потерял любимую жену и старших детей, испытав невыносимую боль. Даже видя перед собой призрачный шанс на выживание, он вовсе не желал влачить жалкое существование. Тогда он пустил в ход всё своё мастерство и задействовал свиток призыва клана Цинь в надежде призвать могущественного и кроткого духом человека либо магического зверя, способного позаботиться о маленьком Цинь Цинсюане и защитить его.

Е Шань:

— Значит, тем человеком или магическим зверем должен был стать я?

Система казалось несколько озадаченной. Похоже, она слишком долго производила вычисления, из-за чего её данные слегка сбились: то ей казалось, что не стоит раскрывать Хозяину слишком много информации, то она вновь решала, что обязана выложить Хозяину абсолютно всё, дабы он смог сделать наилучший выбор.

— Это я?

Не дождавшись ответа, Е Шань повторил вопрос, пользуясь тем, что его ещё не перенесли.

Система:

— В свитке призыва отца Цинь Цинсюаня возникла крошечная неполадка, поэтому призвать желанного человека или магического зверя не удалось.

Е Шань насторожился и снова спросил:

— Кого же тогда он призвал?

Система...

Она молча выдерживала паузу некоторое время, прежде чем наконец глухо выдала два слова:

— Скелет.

Е Шань...

Е Шань даже не успел отчитать систему, как в следующее мгновение почувствовал, что уже оказался внутри нового тела.

Причём он даже не знал, можно ли вообще называть телом то, чем он сейчас обладал.

Хрусь, хрусь.

Этот дивный звук едва не заставил скелет Е Шаня перевернуть стол вверх дном.

Разделить с ним желание перевернуть стол был готов и отец Цинь Цинсюаня.

Он в упор уставился на представший перед ним внезапно возникший скелет, после чего его внезапно вырвало кровью прямо из глубины сердца.

— Как такое возможно? Как такое могло произойти?

Е Шань...

Старина тоже хочет знать, правда же? По крайней мере, в прошлом мире он хоть и был зомби, но хотя бы принадлежал к уровню Императора зомби и обладал человеческой плотью. А в этом мире... он попросту превратился в скелет! Совершенно голый! Ни единого грамма мяса!

И как прикажете добиваться от цели обольщения высшей степени нежности и заботы к его телу и душе?

Как вообще на этом свете кто-то сможет скорбеть по скелету?

Оба взрослых человека разом погрузились в молчание.

Зато крошечный Цинь Цинсюань внезапно побежал прямо к тому скелету, который был белее снега.

— Ты такой красивый! Даже красивее старшей сестры! Ты мне нравишься!

Е Шань...

Отец Цинь Цинсюаня...

Помолчав немного, Е Шань протянул ладонь, состоящую из одних лишь белых костей, и погладил Цинь Цинсюаня по голове.

Глаза Цинь Цинсюаня засияли еще ярче, однако, поглазев на Е Шаня какое-то время, он снова повернулся к отцу, и в его взгляде застыла тревога.

Отец Цинь Цинсюаня действительно держался из последних сил. С трудом прокашлявшись

ещё немного, он снял с запястья синее кольцо и протянул его Е Шаню.

— Я не знаю, кто вы, но я чувствую мощную силу, сокрытую в вас. Как бы то ни было, именно я призвал вас в этот мир, и я прошу вас заботиться о моем ребенке до тех пор, пока ему не исполнится шестнадцать лет, а затем доставить его в Академию Магии и Боевых Искусств. Считайте это платой за то, что я вызвал вас сюда.

Он всё-таки больше не мог держаться. Повреждённые внутренние органы заставили его выплюнуть ещё несколько сгустков крови, после чего он продолжил:

— Это кольцо-хранилище — мой скромный подарок вам. Пожалуйста, не брезгуйте им.

С этими словами его взгляд намертво впился в Е Шаня.

Вот только у скелетов нет глаз.

Одни лишь кости.

Скрипя суставами, Е Шань повернул голову, осмотрел умирающего человека, а затем кивнул.

Цинь Цинсюаню едва исполнилось три года, поэтому он понимал происходящее лишь наполовину. Увидев, что отец снова лег, мальчик тут же бросился к нему.

Отец Цинь Цинсюаня похлопал его по маленькой ручке, вложил кольцо в ладошку Цинь Цинсюаня и произнес:

— Хороший мальчик, отдай кольцо этому... этому... Впредь слушайся его во всём и относись к нему как к своему отцу, понял?

После этого отец Цинь Цинсюаня окончательно лишился поддержки, и его дыхание полностью угасло.

Отец Цинь Цинсюаня в конце концов умер.

Однако даже умерев, его большая рука продолжала крепко сжимать крошечную ручонку Цинь Цинсюаня, а глаза были полны скорби и тревоги за единственного оставшегося в живых младшего сына, словно он хотел отдать всю удачу своей будущей жизни этому малышу, чтобы тот мог благополучно выжить в этом мире.

В этом году Цинь Цинсюаню исполнилось всего три года. Под защитой родителей, старших братьев и сестер, члены семьи заранее проверили его способности и выяснили, что он обладает прекрасным потенциалом для одновременного постижения магии и боевой энергии. Но поскольку Цинь Цинсюань был самым младшим и отличался игривым нравом, домашние рассудили: раз уж он младшенький, так почему бы не потешить его пару лишних лет? А потому они не стали его строго ограничивать, позволив Цинь Цинсюаню резвиться дома, планируя заставить его начать изучение боевой энергии или магии лишь по достижении пятилетнего возраста, да и грамоте учили лишь поверхностно.

Как же отец Цинь Цинсюаня мог успокоиться за такого избалованного трехлетнего ребенка? Разумеется, он умер с открытыми глазами.

К сожалению, Цинь Цинсюань был слишком мал. Этот крошечный ребенок бессмысленно и тупо глядел на отца, который таращился на него вытаращенными глазами, и принялся

тормошить его:

— Папа, папа? Цинсюань скучает по маме, братьям и сестрам, отведи меня к ним, ладно?

Но разве мертвецы способны отвечать?

Разумеется, в ответ раздавалась лишь тишина.

Только тогда Цинь Цинсюань испугался и горько заплакал.

Е Шань какое-то время пребывал в шоке от собственного скелета, но, глядя на жалобный вид Цинь Цинсюаня, в душе тоже тяжело вздохнул.

Он всё никак не мог взять в толк, что за судьба была у его спасителя, раз его душа в первом мире лишилась абсолютно всех родных, а во втором мире всё повторилось вновь?

Поразмыслив над этим, Е Шань не удержался и спросил у системы:

— Если бы я не явился сюда, неужели этот так называемый любимец Небесного Пути Цинь Аотянь продолжал бы вести себя столь надменно и дальше? И он... неужели Цинсюань тоже умер бы?

В конце концов, место, где они сейчас находились, называлось Лесом Туманов, и здесь таилось бесчисленное множество опасностей. Как мог трехлетний малыш, ничего не смыслящий в окружающем мире, выжить в одиночку?

Система:

— Нет. У Цинь Цинсюаня была бы своя судьба: после того как любимец Небесного Пути Цинь Аотянь подрос бы, тот превратился бы в главного злодея этой истории, ставшего заклятым врагом Цинь Аотяня, в конце концов угодив от ударов Цинь Аотяня со скалы. А спустя много лет, когда у Цинь Аотяня была бы полная чаша жен и наложниц, а также толпа детей и внуков, он бы вернулся, чтобы перебить всю семью Цинь Аотяня, попутно разрушив равновесие Небесного Пути, что привело бы к хаосу в мире и бесчисленным жертвам.

Е Шань...

И впрямь стоил своего спасителя...

Впрочем, всё это пока не имело никакого значения. Куда важнее был этот маленький человечек перед ним.

Е Шань приподнял ногу... точнее, кость, с хрустом задвигал ею несколько раз, наконец приближаясь к Цинь Цинсюаню, затем точно так же с хрустом опустился на корточки, протянул костлявую лапу и погладил Цинь Цинсюаня по макушке.

Изначально он даже размышлял, не стоит ли ему произнести парочку успокаивающих дитя слов? Да и вообще, способен ли этот скелет хоть что-то вымолвить?

Как вдруг он увидел, что Цинь Цинсюань заторможенно повернул голову, поглазел на него с секунду, а затем внезапно бросился на грудь Е Шаня и заревел навзрыд.

Словно ему было совершенно всё равно, что кости Е Шаня впиваются в тело.

Е Шань тяжело вздохнул про себя.

Он подумал, что пускай Цинь Цинсюань еще мал, но, возможно, он всё же кое-что понимает.

Прижав к себе Цинь Цинсюаня и покачав его некоторое время, Е Шань всё-таки вспомнил о других делах, поднялся на ноги и попытался заговорить. К его удивлению, несмотря на то, что он был скелетом, голос действительно звучал.

— Пойдем, мы соберем останки твоих родных.

<http://bllate.org/book/28212/3411321>